

ՎԱՉԱԳԱՆ ԱԻԱԳԵԱՆ

Բանասիրական գիտ. թեկնածու, դոցենտ, ԵՊՀ

**Գ. ՍՈՒՆԴՈՒԿԵԱՆԻ «ՎԱՐԻՆԿԻ ՎԵՉԵՐԸ» ՊԱՏՄՈՒԼԾՔԸ
ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀՈԼՈՎՈՅԹՈՒՄ
(ակադեմիկոս Էդուարդ Ջրբաշեանի ծննդեան 100-ամեակի առթիվ)**

Հայ անուանի դրամատուրգ Գաբրիել Սունդուկեանի (1825–1912) գրական ժառանգութեան մէջ առանձնակի հետաքրքրութիւն է ներկայացնում «Վարինկի վեչերը» պատմուածքը, որը ոչ միայն հեղինակի ստեղծագործական նուաճումներից է, այլեւ մէկն է հայ գեղարուեստական արձակի կատարեալ գործերից, որ անհրաժեշտ ուշադրութեան չի արժանացել սկզբնապէս: Յօդուածում քննուած են տարբեր գրականագէտների եւ յատկապէս ակադ. Էդուարդ Ջրբաշեանի կարծիքները ներկայ ստեղծագործութեան վերաբերեալ:

ՎԱՇԱԳԱՆ ԱՎԱԿՅԱՆ

Кандидат филологических наук, доцент ЕГУ

РАССКАЗ Г. СУНДУКЯНА «ВАРИНЬКИН ВЕЧЕР»
В СВЕТЕ АРМЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
(К 100-летию академика Эдуарда Джрбашяна)¹

О творчестве Габриела Сундукяна много написано и сказано. В армянском литературоведении неоднократно изучались различные аспекты его творчества. Много внимания уделялось литературным задумкам, различным деталям наследия великого драматурга, создана сравнительно богатая научная литература². Практически все литературоведы, так или иначе в своих трудах касавшиеся творчества Г. Сундукяна, особое место отводили единственному чисто прозаическому художественному произведению писателя – рассказу «Варинькин вечер»³. В предисловиях к изданиям его произведений, а чаще в отдельных публикациях исследователи высказывали своё мнение об этом рассказе⁴.

Так, ещё в 1944 году одним из первых к анализу этого рассказа обратился известный литературовед и критик Айк Гюликевхян. В своей монографии он писал: «Варинькин вечер» по своим литературно-художественным достоинствам не уступает самым блестящим произведениям нашей художе-

¹* Ստացուել է՝ 2.12.2023, գրախօսուել է՝ 26.12.2023: Էլ. հղացել՝ avagyan.vachik@yandex.com: Խմբագիր՝ Հրազդան Մանդեան:

² См. А. Бабян. Творчество Габриела Сундукяна, Ереван, 1988, с. 4, на арм.:

³ Как отмечает Эд. Джрбашян, хотя у Г. Сундукяна есть и другие произведения в прозе: «Беседы Амала», «Беседы Адида» (оба 1912), знаменитое «Завещание (Моя смерть и погребение)», но «упомянутые произведения имеют публицистический-комментативный характер и не относятся к художественной прозе в подлинном, буквальном смысле слова». Эд Джрбашян, Единственный рассказ Сундукяна, «Историко-филологический журнал», Ереван, 1981, № 4, с. 32, на арм.: В дальнейшем выдержки из этой статьи указаны в скобках: инициал автора и номера страниц.

⁴ Так, С. Базян в своей обширной (около 25 страниц) статье, посвящённой Сундукяну, лишь пару раз упоминает «Варинькин вечер», оценивая его как выражение близости автора к народу, проявившейся в реалистическом отображении действительности, а «честный и чистый характер Макако является его наиболее типичным выражением». С. Базян, Творчество Сундукяна, «Вестник АН Арм ССР. Общественные науки», Ереван, 1950, № 8, с. 59, на арм.

ственной прозы». Критик делает вывод, что «этот уникальный опыт нашего драматурга в области художественной литературы даёт основание предполагать, что он мог бы быть таким же великим прозаиком, как и великим драматургом»⁵. Не оспаривая выводов литературоведа, отметим лишь, что его «энтузиазм» ограничивается кратким пересказом сюжета и заключением, что «в рассказе «Варинькин вечер» Г. Сундукян вновь затрагивает проблему взаимоотношений между теми, кто живёт честным трудом. и теми, кто приобрёл богатство обманным путём» (Г, 76). Чтобы быть беспристрастным, считаем нужным заметить, что Айк Гюликевхян обращался и к образу Макако, отмечая следующее: «Возможно, швея изображена несколько более наивной и невежественной, но в целом изменения в её душевных переживаниях, просветление её сознания, её взросление изображено с удивительной правдивостью». Однако уверенность А. Гюликевхяна преувеличена: «Читатель убеждается, что Макако, при второй встрече с вариньками, могла бы выступить с настроениями Пепо (герой одноимённой пьесы Г. Сундукяна — В. А.)» (Г, 77–78).

Кажется, в исследовании, посвящённом рассказу, А. Гюликевхяна больше занимало авторское описание женщин и девиц, собравшихся в доме Вариньки, которых он охарактеризовал как «паразиток», напоминающих многоголовое чудовище, валяющееся в вонючей грязи и вызывающее отвращение, действительно описанное с высоким артистизмом (Г, 78–79). В оценках ясно и однозначно проявляется отношение литературного критика к женщинам данного сословия.

Геворг Абов также, словно следуя предыдущему исследователю, сравнивает «наглую, самоуверенную, бездарную, жадную, безнравственную» среду «дам-генералов» со стаей, на сей раз, «дармоедок», и пишет, что «борьба с ним трудна для Макако, но с которыми никогда не примирятся последние»⁶.

В своей монографии, посвящённой Г. Сундукяну, Г. Абов также кратко пересказывает сюжет, приводит обильные выдержки из текста,⁷ периодически пе-

⁵ А. Гюликевхян, Габриел Сундукян, Ереван, 1944, с. 73, на арм.: В дальнейшем выдержки из эссе будут указаны в кавычках: инициал автора и страница.

⁶ Г. Абов, Габриел Сундукян, Ереван, 1953, с. 256, на арм.: В дальнейшем выдержки из эссе будут указаны в кавычках: инициал автора и номера страниц.

⁷ Кстати, пересказывая сюжет рассказа, Г. Абов ошибается, говоря, что Макако уезжает тайно от мужа по приглашению Вариньки: см. Г. Абов, с. 246. Муж не только знал, но и вручил

ремежая пересказ аналитическими комментариями, чаще социального содержания, после чего приходит к убедительному для себя выводу о том, что героиня рассказа «та же Кекель из «Пепо». Однако на следующих страницах постепенно появляется мысль, что живущие честным трудом угнетены, а Бог защищает тех, кто наслаждается нетрудовыми доходами... В душе Макако просыпается ропот, протест против божьей несправедливости; она начинает освобождаться от предрассудков, вызванных религиозным мракобесием...» (А, 250–251).

Выводя из содержания рассказа надуманную мысль о том, что Г. Сундукян этим произведением пытался разжечь ненависть к врагам трудового народа среди рабочих, Г. Абов, тем не менее, считает недостатком автора то, что при таком построении и решении сюжета он «не добивается осознания необходимости последовательной классовой борьбы и свержения существующего общественного строя путём революционной борьбы рабочих» (А, 250–251).

В своих дальнейших оценках Г. Абов приводит цитаты из трудов Ленина и Сталина о борьбе за свободу личности. Методологический подход, идейно-политические постановки вопросов, взгляды и термины автора свидетельствуют, что исследование находится под идеологическим влиянием своего времени, следовательно, морально устарело и во многих аспектах неприемлемо.

В монографии (1960 г.) литературоведа, театроведа С. Арутюняна, посвящённой Г. Сундукяну, анализ рассказа гораздо более емкий и подробный и повествование подчёркнуто позитивное, нет даже мелких замечаний. Однако это не означает, что С. Арутюнян искусственно поднял оценку. Его примечания вполне обоснованы и аргументированы.

В 1934 г. С. Арутюнян как редактор подготовил к публикации полное собрание сочинений Г. Сундукяна в одном томе. В аналитическом обзоре книги, посвящённом жизни и творчеству автора, С. Арутюнян уже имел возможность оценить «Варинькин вечер», выведя его из «потаённых мест». Следует сказать, что многочисленные замечания и комментарии С. Арутюняна, будучи сделанными впервые, стали отправной точкой и во многом не потеряли своего определяющего значения в глазах последующих литературоведов. Несомненно, есть и спорные и нежелательные взгляды и мнения, как, например, следующие мысли: «Целью рассказа «Варинькин вечер»... было художественное воспроизведение влияния буржуазии на разлагающийся слой мелких произ-

водителей и рабское отношение упомянутых к буржуазному образу жизни»⁸. Или: «Рабское отношение к обществу Варинек приводит Макако к полной трагедии»⁹, и т. д. Однако подобные оценки теряют своё значение, если учесть, что в дальнейших исследованиях С. Арутюнян пересмотрел и отказался от подобных рассуждений.

В данной статье особый интерес представляет сравнение двух героев Г. Сундукяна и Н. Гоголя, в частности, Макако и Акакия Акакиевича Башмачкина из «Шинели»: «Разве Макако не была Акакием армянской действительности?», — задаёт вопрос литературный критик и указывает на сходство психологических переживаний двух героев, пренебрежительного отношения богатых, и перенесённых Акакием и Макако оскорблений. «Рассказ «Варинькин вечер» — один из примеров влияния Н. Гоголя на Г. Сундукяна. И не случайно Г. Сундукян неоднократно упоминал об этом обстоятельстве»¹⁰, — заканчивает своё рассуждение по поводу рассказа С. Арутюнян.

Возвращаясь к монографии (1960 г.) литературного критика, следует сказать, что, не желая вдаваться в подробности содержания рассказа, он справедливо полагает, что «кистью гениального художника» и с «беспрецедентной наблюдательностью» Сундукян сумел изобразить реальную картину общества того времени, описав сотканный искусством целый мир деталей¹¹. Именно эту особенность когда-то заметил Аршак Чопанян (хотя свою оценку он приписывал всему творчеству Г. Сундукяна): «Одними из особенностей... были характер и талант автора (Г. Сундукяна — В. А.), наблюдательность, способность чёткого и точного понимания жизни»¹².

С. Арутюнян в рассказе также занимали упоминания архитектурных стилей Тифлиса 1870-х годов, авторские описания фасадов сооружений, местного

⁸ Г. Сундукянц, ПСС в одном томе, Ереван, 1934, с. XLII, на арм.: В том же году это предисловие было опубликовано отдельной брошюрой: см. С. Арутюнян, Жизнь и творчество Габриела Сундукяна. Аналитический очерк, Ереван, 1934, с. 144, на арм.

⁹ Г. Сундукянц, там же, Ереван, 1934, с. XLIII.

¹⁰ Г. Сундукянц, там же, Ереван, 1934, с. XLIV.

¹¹ С. Арутюнян, Габриел Сундукян, Ереван, 1960, с. 358, на арм.: В дальнейшем будем указывать в скобках: инициал автора и номер страницы.

¹² А. Чопанян, Труды, Ереван, 1988, с. 733, на арм. Статью, посвященную памяти Г. Сундукяна, А. Чопанян написал по поводу смерти драматурга и напечатал в газете «Բիզնեսի լուր», издававшейся в К-поле (1912, # 4717): Впоследствии та же статья была перепечатана в первом томе его книги «Личности» «Դիմապատկեր» в 1924 г.:

быта и особенно диалекта, что действительно является одной из особенностей этого произведения, но не самой существенной, поскольку «как и «Пепо», «Варенькин вечер» меньше всего относится к быту, а прежде всего это произведение, раскрывающее социальные проблемы» (СА, 358), справедливо замечает автор.

Оценку В. Белинского, данная творению Н. Гоголя, о простоте идеи, популярности, совершеннейшей жизненной правде, комической вдохновенности и т. д. С. Арутюнян распространяет и на искусство Г. Сундукяна, тем самым признавая армянского автора «поэтом реальной жизни» (СА, 359), и в этом нет преувеличения. Основываясь на эпизодах, мыслях, вещах и предметах, а так же на эмоциях и размышлениях из рассказа, литературовед раскрывает идеи и чувства героев, в частности, Макако. В своём анализе он даёт оценку внутренним и внешним особенностям персонажей, указывая на то, насколько Г. Сундукяну удалось, применяя различные средства и методы, воссоздать не только характеры, но и изобразить социальный класс и типичную среду, представляющую каждого из них. Подобно тому, как Г. Сундукян шаг за шагом сопровождает свою героиню и раскрывает различные стороны её ума и мыслей, С. Арутюнян пристально следит за развитием персонажа и показывает процесс роста её мировоззрения: от наивности до всестороннего познания действительности. Верно замечено: «Воистину, автор страдал вместе с героиней, считал ее страдания своими страданиями, он плакал и рыдал вместе с ней» (СА, 369).

Обзор С. Арутюняна заканчивается кратким и убедительным обобщением: «Рассказ представляет собой законченное, совершенное творение, в котором нет отрывков, которые можно оставить без внимания. Трогательная идея произведения пронизывает всю его структуру, делая его собранным, целостным организмом по своему реалистическому содержанию, убедительной форме и структуре. Истинная идея породила художественно правдивое творение, насыщенное реальными образами жизни» (СА, 370).

В главе «Габриэл Сундукян» (в 3-м томе «Истории новой армянской литературы» (1964 г.) того же автора, подраздел, посвящённый прозе драматурга и, в частности, «Варинькиному вечеру», ничего не добавляет к уже сказанному; по сути, эта публикация является кратким пересказом упомянутой монографии¹³.

¹³ См.: «История новой армянской литературы», т. 3, Ереван, 1964, с. 211–215, на арм.:

Хронологически следующим исследованием рассказа является труд Левона Асмаряна. В своей монографии, посвящённой Г. Сундукяну, он также отделил отдельную главу этому рассказу, по его определению представляющему «исключительный интерес». Вступление очень выразительно: «Варинькин вечер,— пишет он,— был контрмерой сентиментально-романтическим сочинениям того времени». В них было очень много слез. В «Варинькинском вечере» тоже. Однако эти слёзы автор утирает гоголевским смехом. Этот смех переплетается со слезами и превращает произведение в драму, достигающую жизненной глубины, где рассмотрены все социально-психологические слои жизни»¹⁴.

Начиная своё исследование с этой отправной точки, Л. Асмарян очень кратко, в нескольких строках, излагает сюжет и констатирует, что этот рассказ с его основными линиями уже присутствовал в пьесе «Разрушенный очаг», написанной, как известно, в 1872—1873 гг.¹⁵ Следовательно, это означало бы, что предмет рассказа не давал покоя и занимал мысли Г. Сундукяна долгое время, вплоть до 1877 года, когда был опубликован в январе-феврале того же года в более развитой и углублённой форме¹⁶. «Мы не знаем, задумал ли Г. Сундукян «Варинькин вечер» ещё в 1873 году, или идея написать посетила его позже. Но рассказ со своим сюжетом и характерными персонажами является естественным продолжением «Разрушенного очага» и вообще художественного реализма, приверженцем которого стал Г. Сундукян»¹⁷,— пишет А. Бабаян.

Л. Асмарян так же подчёркивает душевную, погружённую в себя чуткость авторского текста, эмоциональную насыщенность характера Макако, которые являются абсолютными ценностями для этого рассказа. Пересказав отдельные эпизоды сюжета, литературный критик изображает героев, показывает сущность их души, обуславливая её социальным положением и окружением. В отличие от своих предшественников критик утверждает, что одним из желаний и стремлений, если не главным, приведшим Макако в Сололак на «Варинькин вечер», было простое и, может быть, понятное честолюбие бедной женщины — находиться в окружении богатых дам, быть похожей на них, что, кстати, неисполнимо. «Запретный плод казался сладким и желанным. С психологической точки зрения это очень убедительно, — объясняет Л. Асмарян. — Человек

¹⁴ Л. Асмарян, Габриел Сундукян, Ереван, 1980, с. 82, на арм..

¹⁵ См. третье действие комедии «Разрушенный очаг»:

¹⁶ Печатался в газете «Մշակ» («Мшак») в 1877 году, №№ 1, 2, 5, 8, 11 и 14.

¹⁷ А. Бабаян, Творчество габриела Сундукяна, Ереван, 1988, с. 135, на арм.:

стремится и мечтает о том, чего у него нет. Когда героиня звонит в дверь дома Алеко, она испытывает глубокие чувства и желает, чтобы её соседка Кекель, или кто-то ещё стал свидетелем того, как она входит в столь почётную усадьбу. Даже несмотря на некоторые внутренние амбиции, она стремится, чтобы её увидели знатные жители округа»¹⁸.

Л. Асмаряна в рассказе занимали и впечатляющие авторские образы мещанок — женщин и девушек, которые действительно изображены очень ярко и с большим чувством, предложениями, полными сарказма и сатиры. После нескольких цитат из оригинала литературовед, не скрывая свою неприязнь и презрение к мещанам, приходит к выводу, что Г. Сундукян использовал «отрицательную направленность гоголевского реализма». «Эти примеры являются армянскими образцами колоритно-гротескных типов «Мёртвых душ»...»¹⁹, — пишет он.

Остальное, по существу, не повторяется, хотя почти приближается или отождествляется с сочинениями предшествующих критиков. Методом совершенно самостоятельного и независимого разбора Л. Асмарян добился примечательных результатов.

После всего сказанного создаётся впечатление, что сказать хоть сколько-нибудь существенное новое слово о рассказе Г. Сундукяна нереально. Но в 1981 году, проявив литературное мужество, Эдуард Джрбашян опубликовал своё новое исследование, тем самым убедив и доказав, что такая возможность всё-таки существует. Основной целью нашего исследования является показать значение труда Эд. Джрбашяна.

Какие новшества с точки зрения литературоведения привносит известный литературный критик, в чём заключается ценность его вклада в сферу нарративного анализа, особенно если сравнивать его заключения с предыдущими оценками?

На двадцати пяти страницах журнала Эд. Джрбашян представляет «судьбу» издания рассказа «Варинькин вечер» — начиная с публикации на страницах газеты «Մշակ» («Мшак») и до 1934 года, спустя примерно шестьдесят лет, когда оно было переиздано в однотомном полном собрании сочинений писателя и удостоилось внимания литературных критиков.

¹⁸ Л. Асмарян, Габриел Сундукян, с. 87–88, на арм.

¹⁹ Там же, с. 90.

Излагая ранее созданный и уже знакомый аналитический материал (хоть и всего одним абзацем, очень кратко, в виде сноски) Эд. Джрбашян «выдаёт» свою научную приверженность как литературный критик: не пренебрегать и не упускать из виду ни одно исследование, ни один более или менее значимый текст, в котором говорится о рассказе. Иногда оспаривая, иногда ссылаясь на предшествующие оценки, Эд. Джрбашян приводит свои дополнения, не довольствуясь лишь частичными ссылками. Он развивает уже сказанное, аргументирует и обосновывает свои слова убедительными научными аргументами. Так, например, ссылаясь на Л. Асмаряна и констатируя, что сюжетное ядро «Варинькиного вечера» уже присутствовало в пьесе «Разорённый очаг», Эд. Джрбашян, однако, находит, что сохранившаяся в архиве заметка о рассказе свидетельствует не только о прототипах одной героини повести- Вариньки, как полагал С. Арутюнян (СА, 369), а касается в целом всех персонажей и основ сюжета произведения (Дж, 35).

Рассматривая художественный конфликт «Варинькиного вечера» в контексте предшествующих ощутимых достижений Г. Сундукяна в драматургии, Эд. Джрбашян справедливо полагает, что как в развитии действия, так и в контрасте повествования «много пепоизма», на что очень сдержано намекали и предшественники исследователя. Если в пьесах «Хатабала», «Ещё одна жертва», «Разрушенный очаг», как поясняет литературовед, «конфликт начинается и заканчивается внутри класса буржуазии, между старым и новым поколениями, их идеями, психологией и поведением», то в «Пепе», а затем и в «Варинькином вечере» непосредственно противопоставлены буржуазия и рабочий человек, показан контраст нравственных обликов, желаний и мечты. И хотя Макако не достигает уровня сознания Пепе, её не посещают идеи о социальной борьбе, мы уверены, что рассказ выигрывает от этого, потому что героиня остаётся в своём естественном состоянии.

Охарактеризовав «Варинькин вечер» как «классическое произведение настоящей социально-психологической прозы», Эд. Джрбашян, однако, считает, что это не обычное повествовательное произведение: оно подвергнуто определенным принципам речевой стилизации, что сделало его одним из исключительных произведений нашей прозы. Здесь речь литературоведа обретает больше теоретическое содержание, и он, как отмечает сам, рассматривает конкретно «внутренний механизм повести» (Дж, 40). В широком спектре теоретических проблем особое место отводится ха-

рактору рассказчика. В связи с этим рассматривая вопрос взаимодействия автор — произведение в целом и указывая на различия на примере прозаических произведений армянской литературы — от описания фактов, существующих независимо от автора, до беспрепятственного «вторжения» в ход истории и «судьбы героев», Эд. Джрбашян констатирует, что в «Варинькинском вечере» основной образ — сам рассказчик: конкретное лицо, имеющее психологическую определённую, отчётливость, его контуры всплывают как «ососяемого персонажа» со своими идеями и взглядами. В его образе творчески отражены неоднозначные настроения и впечатления, переживания героя. Здесь заслуживает внимания одно наблюдение литературного критика: если по поводу многих персонажей своих пьес Г. Сундукян признавался, что этот герой он сам (Масисянц, Микаел, Пепо), то в «Варинькинском вечере» у него не было похожей цели, поскольку здесь он имел возможность действовать от своего лица и со своей речью²⁰, с речью, которое звучит на тифлисском диалекте армянского языка. Почему же Г. Сундукян, излагая эту историю, не использовал литературный армянский язык? Однако в таком случае рассказ утратил бы свой «эпический характер» и непосредственность, простоту, живость и иллюзию «задушевного разговора», как замечает сам литературный критик. «Заставив» своих персонажей говорить и думать на диалекте, автор обеспечил предполагаемую естественность и непринуждённость.

В многослойной структуре речевой стилизации Эд. Джрбашян особо выделяет слой внутренних размышлений Макако, душевных терзаний и страданий героини, связанных с тревогами — приятно терзающими, но и ужасающими ожиданиями. Этому творческому слою, поистине непревзойдённому по своей психологической насыщенности, по формулировке Эд. Джрбашяна, «могут завидовать» многие произведения нашей литературы, в том числе известные романы и рассказы» (Ջ, 43).

В структуре произведения особое место отводится также безответному, замкнутому и «безмолвному» диалогу рассказчика с героиней. Автор становится советчиком своей героини, спутником и сочувствующим во всех её деяниях и душевных чувствах. Он волнуется и страдает вместе с ней: обстоятельство, которое делает произведение тёплым и живым, трогательным и

²⁰ См. Г. Сундукян, ПСС в 4-х тт., т. 3, Ереван, 1952, с. 465, на арм.:

сильным. Чувства и мысли Макако, словно проникая в сознание автора, порой превращают рассказ в монолог, наполненный сильными эмоциями. Однако если в произведениях других писателей, например, в «Ранах Армении» Х. Абовяна эта стилистическая особенность оценивается как лирическое отступление, как выражение мыслей и настроений писателя, то в «Варинькином вечере» это играет качественно новую, важную роль, благодаря чему «произведение, наделённое классическими чертами социально-психологической, аналитической прозы приобретает также черты лирической поэмы», — пишет Эд. Джрбашян (Дж, 45).

Однако это обстоятельство не означает, что литературный критик лирически отождествляет характер рассказчика с характером Макако или наоборот — вовсе нет. Как пишет он сам: «Они предстают перед нами носителями двух совершенно разных степеней и уровней миропонимания и сознания. В этом смысле можно сказать, что по всему рассказу непрерывными линиями проходят два параллельных потока сознания. Один принадлежит рассказчику, другой — Макако» (Дж, 45).

Анализы персонажей повести часто становятся близкими, иногда даже кажущимися похожими на оценки предшественников, особенно С. Арутюняна, что очень естественно. Однако при этом анализ Эд. Джрбашяна более глубок, свеж, осязаем с точки зрения рассмотрения различных вопросов, с заслуживающими внимания интересными литературоведческими наблюдениями.

Становится понятно, что литературный критик обратился к материалу по зову сердца и души, не ограничивая свою свободу уже известными оценками, мыслями, предположениями. Психологические переживания, размышления Макако о богатстве и бедности, процесс развития её общественного сознания интерпретируются с помощью глубоких научных наблюдений. Метко замечено, что «акцент в рассказе делается не на внешнем действии, а на анализе внутренних душевных страданий» (Дж, 46). Литературовед заметил главное — пережитую драму, индивидуальные душевные страдания героини, их истоки.

В отличие от своих предшественников, Эд. Джрбашян отвёл более весомое место изучению образа мужа Макако, который хоть и эпизодичен, но, как отмечает литературовед, «играет очень важную идеологическую и структурную роль» (Дж, 46). Примечательно сравнение с персонажем Пепо.

Как Пепо презрительно швыряет в лицо Зимзимову пять туманов (денежная единица), полученных от него в качестве «сочувствия», так и муж Макако бросает свои кровно заработанные, обстиранные и раздавленные купюры в «лицо всем» присутствующим. Эта сцена действительно является идеологической вершиной рассказа. Однако остаётся открытым вопрос: почему Г. Сундукян оставил этого героя без имени? Говоря о нём, Сундукян обычно употребляет сочетания: «бедняга», «муж Макако», «бедный трудяга». Конечно, сложно дать однозначный ответ. Однако, по нашему мнению, эта загадка, возможно, связана с отношением автора. Сундукян ценит своих смелых и решительных героев, таких как, например, Масисьянц, Микаэл, и, особенно, Пепо. А «муж Макако» – это, по сути, человек, который может смириться и приспособливаться. Он «беден», однако, не только в жизни и по социальному положению, но и по характеру и поведению. На первых же страницах рассказа автор косвенно или саркастически даёт понять своему читателю, что своего богатства Алеко добился обманным путём, присвоив деньги своего покойного брата, можно считать, мужа Макако. А что сделал последний, чтобы добиться справедливости, получить причитающееся ему наследство? Ничего, разве что отвернулся с презрением. Иными словами, он лишь личным поведением выразил свою обиду, а это уже указывает что он не «бедный», а жалкий, как говорит известная героиня Гр. Матевосяна²¹. Размышляя в этом направлении, мы считаем, что подобное равнодушие Г. Сундукяна также можно считать методом и критерием формирования характера героя.

Создаётся впечатление, что Г. Сундукян не испытывает особой симпатии к «мужу Макако» из-за одной «черты его характера»: «при необходимости» он всё «доказывал» руками и кулаком... «не затруднял» и «не томил язык»²². Такая же излишняя суровость к жене видна в последнем эпизоде рассказа, когда он выводит потерявшую сознание супругу из дома Алеко: «...ухватил Макако за руку и с криком потащил бедняжку вниз ...»²³.

²¹ Гр. Матевосян, СС в 2-х тт, т. 2, Ереван, 1985, с. 242, на арм.

²² Г. Сундукян, Сочинения, Ереван, 1984, с. 836, на арм.

²³ Там же, с. 863. В связи с этим эпизодом Л. Асмарян написал: «Он (муж Вариньки.— В. А.), видя угнетение и эксплуатацию себе подобных, злится на весь мир, но направляет свой гнев не по верному адресу, а на Макако»: Л. Асмарян, Габриел Сундукян, Ереван, 1980, с. 92, на арм.

Возможно, многое стало бы яснее в упомянутом вопросе, если бы автор смог осуществить своё желание: переделать последнюю сцену, о чём свидетельствуют записи, сохранившиеся в его бумагах (Дж, 49).

В своей статье Эд. Джрбашян особо выделил также стилистические средства рассказа и в этой системе подчеркнул две противоположные линии: лирическую и сатирическую, которые, как он замечает, «представляют собой весомые и равносильные факторы: они возникают вместе и присутствуют на протяжении всего рассказа» (Дж, 49); свойство, что также делает «Варинькин вечер» уникальным явлением в армянской литературе.

Наряду с размышлениями, переживаниями, мечтами, разочарованиями Макако, а также событиями и непосредственным эмоциональным отношением рассказчика, литературный критик больше акцентирует внимание читателя на другой линии, на юморе, где он выделяет только один тип: «беспощадная и бескомпромиссная сатира». И здесь он абсолютно прав. Отрывки, рассказывающие об отношениях Вариньки и её мужа, о горячем, но ложном благочестии последнего, и особенно описания внешности, одежды, а также сплетен и клеветы, лицемерия и напускной вежливости женщин, собравшихся в доме у Вариньки, на первый взгляд могут показаться юмористическими и сатирическими, в то время как они гротескны, наполнены убийственным сарказмом. В этом произведении Г. Сундукян действительно добился абсолютного художественного успеха, разительно подчеркнув противоречие между внешней формой и содержанием. «Это гоголевский стиль...» (СА, 367),-как в своё время заметил С. Арутюнян.

Хотя и вкратце, однако Эд. Джрбашян сделал предметом рассмотрения и другие элементы художественной структуры рассказа: композицию, сюжет, жанровые и языковые особенности. Об этом мы не будем подробно говорить, поскольку наш отзыв имеет лишь ознакомительный характер. Отметим лишь, что литературовед представляет последовательные этапы проявления содержания произведения, начиная от завязки и заканчивая решением, и находит, что оно выходит за рамки простого повествования функциональной прозы и имеет более лирическое дыхание, наполненное глубоким психологическим смыслом, что делает сюжет оригинальным и неповторимым.

В череде литературоведческих разборов отдельным предметом рассмотрения становится вопрос о жанровой принадлежности произведения. Несмотря на то, что сам Г. Сундукян «Варинькин вечер» охарактеризовал как «малень-

кий роман», по содержанию он целостное творение жанра романа. Эд. Джрбашян, тем не менее, считает правильным называть произведение рассказом, поясняя, что «оно далеко от резкой сжатости новеллы, сгущения событий, сюжетных разветвлений, подробностей и деталей романа или повести, и, в конце концов, их обширного объёма» (Дж, 49). Как можно увидеть, доводы литературоведа не оставляют места для споров. Однако надо сказать, что, ограничив себя жанром рассказа, Г. Сундукян в то же время вышел за его рамки, создав свой личный тип, который не является обычным повествовательным произведением: в нём присутствуют «ещё и яркие черты лирической поэмы», — отмечает Эд. Джрбашян (Дж, 45).

Один из важных художественных принципов, использованных в рассказе, Эд. Джрбашян считает ограничение описываемых действий всего одним днём от раннего рассвета до позднего вечера, в котором Сундукян, однако, сумел «показать прошлое и настоящее героини и намекнуть на будущее» (Дж, 53). И, несмотря на то, что литературовед особо подробно не рассматривает этот вопрос (как и следовало ожидать), признаем, что это действительно настоящее художественное изобретение, одно из сильных художественных свойств произведения, где автору удалось в столь узких временных рамках зримо воссоздать психологическую конкретность, живые черты, убедительный жизненный характер, целую человеческую трагедию, а также осязаемо продемонстрировать непримиримую социальную противоположность общества того времени. И не случайно, что «Варинькин вечер», с однодневной длительностью описанных в нём событий Эд. Джрбашян сравнивает например, с «Артистом» Ал. Ширванзаде, «Гикором» Ов. Туманяна, «Чаху» Р. Патканяна, в которых события разворачиваются на протяжении периода времени от одного года («Артист», «Гикор») до нескольких десятилетий («Чаху»). И хотя, литературный критик не отдаёт предпочтение ни одному из них, не оценивает одно в ущерб другому, что, конечно, было бы неуместно, но, думаем, в этом структурном вопросе можно угадать скрытую симпатию исследователя к «Варинькиному вечеру».

От взгляда литературоведа не ускользнули великолепные описания контрастов пространственной и предметной среды в богатой визуальной системе повести. С одной стороны, бедный и непривлекательный Сейидабат, с другой стороны, богатый и роскошный Сололак; с одной стороны, внешнее и внутреннее великолепное убранство дома Алеко и особенно богатство «будуара» Вариньки; с другой стороны, неприглядный дом Макако — убогое «помещение

с тоном» стали не только эталонами высокой художественности повести, но и важнейшими выражениями, обеспечивающими её социальное содержание. И вовсе нельзя считать преувеличением оценку Эд. Джрбашяна, что «в истории армянской прозы трудно указать другое произведение, где описание пространственной и предметной среды столь активно участвовало бы в раскрытии социального содержания» (Дж, 54).

В статье Эд. Джрбашяна интересен и теоретический анализ, связанный с художественным мышлением и принципами, идейно-структурными связями рассказа с повестью «Шинель» Н. Гоголя. Мы упоминали уже, что о некотором сходстве этих рассказов писал и С. Арутюнян²⁴. Этот факт констатирует и Эд. Джрбашян в своих сносках (Дж, 56). Однако, если при сравнении произведений С. Арутюнян в основном акцентировал внимание на сходстве двух главных героев — Акакия Акакиевича и Макако, презираемых и высмеиваемых в их жалком социальном положении, то наблюдения Эд. Джрбашяна больше относятся к тесным связям идеологических пафосов, художественной структуре и различным особенностям. В связи с первым в рассказах литературовед подчёркивает гневное недовольство унижением «маленького человека». Вторым общим моментом является авторская особенность изложения описываемых реалий посредством живой речи, создающей иллюзию беседы, которая в «Варинькином вечере» ещё более усиливается за счёт стилизации с применением диалекта, как отмечает Эд. Джрбашян (Дж, 56). При сравнении двух произведений, несмотря на старания литературоведа держать творчество Н. Гоголя в центре внимания, детали, всплывающие из «симпатии», скорее относятся к «Варинькиному вечеру». И заметно, что он больше стремится оценить и выявить достоинства творчества Г. Сундукяна, конечно, не прибегая к знакам равенства или неравенства, отмечая, что весьма значительным явлением было уже и то, что Г. Сундукян творчески воспринял и развил художественную традицию Н. Гоголя.

Автор заканчивает статью очередной высокой, но беспристрастной оценкой рассказа: «Варинькин вечер» — это не только одно из высших творческих достижений Габриэла Сундукяна, но и одно из самых глубоких и совершен-

²⁴ См.: Г. Сундукяни, ПСС в одном томе, Ереван, 1934, с. XLIV, на арм.: С. Арутюнян упоминал некоторое сходство двух произведений также в своей монографии 1960 г., посвящённой Г. Сундукяну.

ных произведений армянской прозы. Спустя более чем столетие после своего создания оно не утратило ни на йоту своего очарования и влияния» (Дж, 57). Можно добавить, что и сегодня оно сохранило как литературную, так и теоретическую значимость и ценность.

Таким образом, исходя из проблемы и целей нашего исследования, рассказ Г. Сундукяна «Варинькин вечер» мы рассмотрели на хронологической оси последовательности затронувших его произведений²⁵, уделяя особое внимание на журнальную статью заслуженного литературоведа, академика РА Эдуарда Джрбашяна.

Мы постарались показать особое литературное чутьё известного учёного, обратившего надлежащее внимание на это произведение, подвергнувшего его тщательному анализу, прокомментировавшего его структурные особенности, повествовательные пласты, выявившего и прояснившего многие творческие проблемы, подчеркнувшего связь эстетических принципов Г. Сундукяна с русским классиком Н. Гоголем, с его реалистической системой, особо подчёркивая тесную связь «Варинькиного вечера» с «Шинелью».

ՀԻՄՆԱԲԱՌԵՐ

Գաբրիել Սունդուկեան, ակադեմիկոս Էդուարդ Ջրբաշեան, «Վարինկի վեչերը», պատմուածք, Գօգօլ, ժառանգութիւն, ռեալիստական համակարգ, «Ծիւնը»

²⁵ Рассказ лаконично упоминал и С. Агабабян в предисловии к изданию «Сочинений» Г. Сундукяна (1984 г.). Он на двух страницах высказал оценку рассказа, по сути не привнеся ничего нового: см. Г. Сундукян, Сочинения, Ереван, 1984, с. XIX–XXI, на арм.: Значимых новостей по поводу этого рассказа не сообщает также и А. Бабаян, который, в монографии, посвящённой творчеству Г. Сундукяна, сужая границы своего исследования лишь рассмотрением драматических произведений автора, оценки касательно «Варинькиного вечера» в основном приводит из статьи Эд. Джрбашяна. см. А. Бабаян, Творчество Габриела Сундукяна, Ереван, 1988, с. 134–137, на арм.

SUMMARY

In the literary heritage of the famous Armenian playwright Gabriel Sundukian (1825–1912), the short story «Varinki Vecher» is of exceptional interest, which is not only one of the author's creative achievements, but also one of the perfect works of Armenian fiction that initially did not receive proper attention. The article examines the works of various literary experts, especially Eduard Jrbashyan's opinions on this work.

